

ИЗБРАННИЦА БЕССМЕРТНЫХ

Лисавета Челищева

18+

Лисавета Челищева
Избранница бессмертных

«Автор»

2025

Челищева Л.

Избранница бессмертных / Л. Челищева — «Автор», 2025

Девушка с даром чтения мыслей бежит из горящего Рима на борт летающего корабля Этериум. Её спасители — четверо бессмертных изгнанников, каждый из которых полюбил её и готов умереть за неё. Но Атилия — не просто девушка. Она — артефакт, ключ к древней силе, которую ищут боги и демоны. И её любовь к капитану Каэлену может стать причиной вечной войны. Между спасением и жертвой, между небом и адом, она должна выбрать: остаться пленницей судьбы или переписать её сама. Даже если ценой этому будет собственная жизнь. ***История о любви, сильнее времени. О выборе, который меняет вечность.

© Челищева Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава I. Ночь Рима	5
Глава II. Хрупкая Атилия	6
Глава III. Боги жестоки	7
Глава IV. Желанная конкубина	9
Глава V. Хромой побег	12
Глава VI. Первая встреча	15
Глава VII. Экипаж	20
Глава VIII. Ужин на четверых	22
Глава IX. Багровый огонь Сола	24
Глава X. Под маской служанки	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лисавета Челищева

Избранница бессмертных

Глава I. Ночь Рима

Утренний воздух был напоен ароматом лаванды и свежееиспеченного хлеба. Я стояла на краю балкона, мраморные перила которого помнили сотни прикосновений, глядя на пробуждающийся город. Солнце окрашивало черепичные крыши в золотистые оттенки, заливая теплым светом узкие улочки Субуры — моего родного квартала.

Я — Атилия, дитя этого беспощадного и прекрасного города. Рим — моя колыбель и моя темница. Каждое утро я начинаю с молитвы богам, прося защиты и милости, ибо знаю — мой дар не благословение, а проклятие. Какой мой дар?... Он очень прост в своем описании, но сложен в понимании его происхождения.

Закрыв глаза, я прижала руку к груди, чувствуя тихое биение сердца. Мысли других людей, как острые иглы, царапали мое сознание. И я их слышала. Слышала, как свои. Не все четко, не все разом. Но если случай располагал, я могла залезть в голову любому человеку и прочесть его мысли от корки до корки.

Сегодня мысли римлян были особенно тревожны — словно город предчувствовал какую-то надвигающуюся на него беду.

Моя мать Василина суетилась на кухне внизу, помогая Гаю — её новому любовнику — собирать травы для лавки. Их голоса доносились глухо, но я различала каждое слово, каждый вздох. Гай иногда смотрел на меня с тайным обожанием, которое старательно прятал за маской делового партнёра. Мама встретила его на улице, он помог ей донести тяжелые сумки с рынка. Так они и сдружились. Но стоило Гаю увидеть меня... Нет, не стоит мне развивать эту тему в голове. Все наказуемо, все боги видят и слышат. Порочные мысли особенно.

Мой отец погиб на аренах гладиаторов, когда мне было четыре года. Я помнила лишь его широкую улыбку и запах кожаных доспехов. Мать вышла замуж второй раз — за торговца солью из Сиракузы, который относился ко мне с нежностью отца. Но он умер. Антонинова чума. Мама очень горевала по нему, но не долго. Гай помог ей справиться с этим горем.

Рим... Город контрастов, где роскошь соседствует с нищетой, где боги играют судьбами смертных, как марионетками.

И у моей благодливой жизни есть обратная сторона блестящей монеты. И она теневая, секретная. Началась эта жизнь, как только я поняла, что чтобы хорошо жить, надо уметь хорошо себя подать в мир.

Я — куртизанка, но не простая. Моя профессия — это не только способ заработать на лечение моей хрупкой, болезненной с рождения плоти, но и маска, позволяющая выживать в этом жестоком мире.

Сегодня утром мне было особенно тяжело. Накануне был сложный вечер в таверне, где я подрабатываю. Сенатор Луций Веспер — могущественный и жестокий человек — снова пытался добиться моего расположения. Его мысли были липкими, как смола, полными похоти и ненависти.

Я отвергла его. И знаю, что этот отказ дорого мне обойдется.

Внизу неожиданно раздался звон посуды — Гай уронил глиняный кувшин. Я услышала его мысли раньше, чем он произнес вслух: "Проклятье... Василина убьет меня за этот кувшин."

Глава II. Хрупкая Атилия

Гай поднял осколки кувшина, его руки слегка дрожали от изнурительного труда на складах рынка. Я спустилась вниз, чтобы помочь ему, но он жестом остановил меня:

— Нет, Атилия. Не стоит. Твои руки слишком нежны для такой работы.

Его мысли были прозрачны, как утренний туман. Он волновался — не за разбитый кувшин, а за меня. За мою болезнь, за мою судьбу. Я слышала его тревогу, которую он старательно прятал за показной добротой.

Мама развешивала пучки трав у окна. Сушеный чабрец, шалфей, полынь — каждая травинка была для неё живой. Её руки, некогда нежные, теперь покрылись морщинами и шрамами от работы.

— Дочь, — позвала она, — сегодня к нам придёт лекарь. Хочу, чтобы он осмотрел тебя. Давно мы не проводили твоих осмотров.

Я знала, что мой недуг — источник постоянной боли для неё. Хрупкость моего тела была как проклятие, доставшееся мне от неизвестного предка. Любое резкое движение могло обернуться переломом, любая физическая нагрузка — калечащей травмой.

Гай, услышав слова моей матери, повернулся ко мне. В его глазах плескалась нежность, которую он тщательно прятал. Я слышала его мысли — обрывки желаний, страха, любви.

— Ты должна беречь себя, Ати, — прошептал он, когда мама отошла в соседнюю комнату, — Рим жесток к слабым. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Особенно, когда меня нет рядом.

Я улыбнулась мужчине, накидывая платок на плечи. Гай и мама постоянно ссорились. Порой я слышала их громкие мысли — обрывки взаимных обид, непонимания. Но под этими ссорами пряталась и глубокая привязанность. И я не хотела вставать между ними и их теплыми отношениями.

Лекарь пришёл ближе к полудню. Высокий, худощавый мужчина с глазами, видевшими слишком много человеческих страданий. Его руки были в шрамах — следах бесконечных операций.

— Покажи руки, — приказал он, присаживаясь на стул около моей постели.

Я протянула свои тонкие запястья. Он осторожно ощупал их, и я услышала его мысли — короткие обрывки жалости и профессионального интереса.

— Твои кости... — прошептал лекарь, — они как стекло. Хрупкие, тонкие. Как и любой другой прекрасной вазе, моя дорогая, тебе падать запрещено. Ты же знаешь об этом?

Я знала. Знала с самого детства.

Глава III. Боги жестоки

Лекарь, Марк Аврелий, был известен своим искусством в Субуре. Его руки помнили тысячи пациентов — от нищих до сенаторов. Когда он касался моего полуобнаженного тела, я чувствовала не только физический осмотр, но и целый водоворот его мыслей.

— Дитя моё, — вздохнул он, — твой недуг подобен проклятию богов.

Его пальцы, покрытые шрамами от бесконечных врачебных манипуляций, осторожно ощупывали мои ноги.

— Остеогенезис несовершенный, — пробормотал Марк себе под нос, — болезнь, которая делает кости тоньше паутины.

Мать Василина стояла рядом, её руки судорожно сжимались. Я слышала её страх — внутренний, первобытный страх матери за своё дитя.

— Можно её вылечить? — её голос дрожал. — У нас немного денег, но мы можем накопить хоть что-то...

Марк помолчал. Его мысли были тяжелы, как свинцовые таблички с проклятиями на грешницах у храмов.

— Только чудо может исцелить твою дочь, Василина, — ответил он. — Или жертвоприношение богам.

Гай, стоявший у входа в мою спальню, резко выпрямился. Я уловила его мысль раньше, чем он произнёс:

— Никаких жертвоприношений!

Марк собрал свои инструменты — бронзовые скальпели, глиняные флаконы с настоями. Его мысли были заняты мной — хрупким созданием, которое могло рассыпаться от малейшего прикосновения этого мира.

— Тебе нужен покой. Никакой тяжелой работы, — наказал он. — И мои специальные настои.

Я слушала, но мысли мои были далеко. Сенатор Веспер не оставит же меня в покое. Его месть за мой отказ будет страшной. Я чувствовала это каждой клеточкой своего хрупкого тела.

— Марк, — позвала я, — расскажи мне больше про мой недуг. Пожалуйста. Мне нужно знать все.

Лекарь вздохнул. Его воспоминания были полны страданий пациентов.

— Твои кости... — начал он, — они как тонченное стекло. Малейшее давление — и они могут треснуть. Каждое резкое движение для тебя — риск.

Гай подошёл ближе. Я слышала его мысли. И старалась их не принимать близко к сердцу, чтобы не проникаться его тревогой.

— Есть же хоть какие-то способы лечения, лекарь? — спросил он. — Хоть один.

Марк покачал головой:

— В Риме — нет. Разве что языческие ритуалы, как я уже говорил, или... — он замолчал.

— Или что? — встревоженно спросила я, хватаясь за крупницу надежды.

— Или паломничество к целителям в дальних провинциях. Но путешествие слишком опасно для тебя.

Мать всхлипнула. Её страх был осязаем, как влажный туман над Тибром.

— Я не хочу умирать, — прошептала я. — Я хочу жить.

Помимо дара чтения чужих мыслей, у меня была ещё одна особенность. Я видела пророческие сны.

Мои видения... Каждую ночь я вижу падение неизвестных мне городов, слышу крики умирающих жителей. Я знаю, что Рим тоже падёт. Когда-нибудь мой город накроет черной пеленой разрухи и опустошения. Я знаю это с такой же точностью, с какой знаю и свое имя.

Марк неожиданно положил руку мне на плечо, прерывая мои мрачные мысли.
— Боги дают испытания только сильным, Ати. Ты такая для них. Особенная.
Но я знала — боги жестоки. И моя болезнь — лишь доказательство этого.

Глава IV. Желанная конкубина

На следующий день, едва багровый диск солнца показался над крышами Палатина, моя начальница, властная Ливия с лицом, изборождённым морщинами, и глазами, что видели слишком много, собрала нас в саду. Её голос был сух, как пергамент:

— Сегодня вечером, девочки, вы идёте во дворец Веспера. Сенатор устраивает знатный приём. Будьте безупречны и улыбчивы. Сенатор не признает отказов.

Моё сердце сжалось. Веспер. Его имя было для меня синонимом липкой тьмы. Этот вечер не сулил мне ничего хорошего.

Дворец Веспера был воплощением римской роскоши, но для меня он казался золотой клеткой, где каждый мраморный пол скрывал под собой бездну. Мы, куртизанки, были частью этой роскоши — живые украшения, призванные улаживать взоры гостей и их слух своими сладкими речами.

Я двигалась среди толпы, как перышко на ветру, моё хрупкое тело было облачено в тончайший белый шёлк, но внутри я была напряжена, как струна арфы. Мои глаза, привыкшие видеть не только явное, но и скрытое, искали что-то, что подтвердило бы мои предчувствия.

И я нашла.

В глубине дворца, за тяжёлыми бархатными портьерами, я почувствовала холод, не от сквозняка, а от чего-то иного.

Любопытство, смешанное со страхом, потянуло меня туда. Я прошла по узкому коридору, где воздух стал густым от запаха ладана и чего-то ещё, более острого, щекочущего нос. За приоткрытой дверью, обшитой изумрудами, я увидела их.

Элита Рима. Сенатор Веспер, его приближённые, несколько жрецов в красных одеяниях. Они стояли вокруг алтаря, на котором дымились травы, а в центре лежало нечто, что заставило мой желудок сжаться.

Жертва. Не животное. Человек.

Их мысли были какофонией безумия: жажда власти, жажда бессмертия, шепот имён древних богов, забытых и тёмных. Я видела, как их глаза горели лихорадочным огнём, как их лица искажались в экстазе, который был далёк от божественного. Это был разврат, не только телесный, но и духовный. Я слышала о болезнях, которые косили тех, кто участвовал в этих ритуалах, о безумии, которое охватывало их. Веспер был их лидером, чёрным оккультистом, чья цель была ясна: свергнуть власть императора Тиберия и править самому, используя эту тёмную магию.

Внезапно взгляд сенатора Веспера, тяжёлый и пронзительный, упал на меня. По моему телу пробежала волна колющего холода. Я почувствовала, как его мысли обволакивают меня, грязные, липкие, полные похоти и злобы. Он видел меня, но не как человека, а как инструмент, как очередную жертву в их ритуале на власть.

— Ах, это ты, фемина... Та, что отказала мне. Я помню тебя. Помню твое лицо и твое имя. Атилия, — его голос был низким и вкрадчивым, — ты прекрасна, как утренняя заря. Такой я тебя и запомнил.

Он подошёл ближе, его глаза скользнули по моему еле прикрытому телу. Я слышала его мысли: «Худосочная, но с упрямым духом. Идеальна для жертвоприношения. Её чистота усилит ритуал».

— Я предлагаю тебе личную встречу со мной завтра ночью, — он протянул мне небольшой мешочек, звенящий золотом. — Цена будет щедрой.

Моё сердце колотилось, но я собрала всю свою волю в кулак.

— Сенатор, — мой голос прозвучал удивительно твёрдо, — я не продаю себя.

Его лицо исказилось. Золото выпало из его пальцев.

— Ты отказываешь мне во второй раз? — его голос стал ледяным. — Ты не знаешь, с кем имеешь дело, фемина. Ты пожалеешь об этом!

Я почувствовала его угрозу, она вибрировала в воздухе, как натянутая тетива. Я увидела истинную мерзость под личиной римской роскоши, и меня охватил ужас. Сенатор Веспер добьется власти с помощью черной магии. У него сильные покровители темного мира, что дают ему силы. Я должна была предупредить Гая и маму, пока не было поздно. Мы должны бежать из этого города грехов, и как можно скорее.

Я бежала домой, словно за мной гнались фурии. Мои лёгкие горели, а хрупкие кости ныли от напряжения.

Ворвавшись в наш скромный дом, я застала мать и Гая на кухне за работой.

— Мы должны уехать! — выдохнула я, хватая мать за руки. — Рим падёт от руки сенатора! Я видела! Они приносят жертвы, они безумны!

Мама подняла на меня опухшие глаза. Резко выдохнув, она отшатнулась от меня, её глаза были полны не гнева, а глубокой, пронзительной боли.

— Как ты могла скрывать от меня это, Атилия? — её голос дрожал. — Как вы могли так поступить со мной?

— Мама, ты о чем? Я... не понимаю. Ты плачешь?

Мои слова застряли в горле. Её взгляд упал на Гая, который стоял в стороне, бледный, с опущенной головой.

Нет, не может быть. Он же не мог рассказать ей о нас?... Это было так давно, и ещё до того, как он стал любовником моей матери. В лупанарии госпожи Ливии, когда я только начала там работать. Гай тогда стал одним из моих первых клиентов.

— Гай... — её голос был полон горечи, — ты мой муж! Как ты мог? С моей дочерью?

Всё рухнуло в один миг. Моё предупреждение утонуло в её обиде, в её шоке от обнаружения нашей прошлой тайной связи. Любви, которая расцвела между мной и Гаем, нежной и запретной, о которой мы так тщательно молчали. Я слышала её мысли сквозь толстую пелену своего стыда: «Предательство! Как я могла не заметить? Моя дочь, мой муж...»

В этот момент в дверь постучали. Громко, настойчиво.

— Откройте! Во имя Сената!

Гай поднял голову, его глаза были полны удивления.

— Это Веспер, — прошептала я. — Он послал за мной.

Не успели мы и слова сказать, как дверь распахнулась, и в проёме возникли легионеры, а за ними — сам Луций Веспер, его лицо было искажено гримасой мрачного торжества.

— Моя будущая конкубина, — произнёс он, окинув меня взглядом, холодным, как зимний Тибр. — Я пришёл за тобой.

Меня схватили в одно мгновение Ока. Мои хрупкие кости заныли в грубой хватке легионеров, но я не могла сопротивляться. Я видела отчаяние в глазах Гая, слёзы на лице матери, которая, несмотря на свой гнев, пыталась дотянуться до меня. Но было уже поздно. Меня тащили прочь из нашего дома, в роскошную тюрьму, которая должна была стать моим новым домом.

Дворец Веспера был великолепен, но его стены давили на меня, как могильные плиты. Служанки, снующие по коридорам, избегали моего взгляда. Но их мысли... их мысли были полны страха и жалости. И я их четко слышала:

«Ещё одна...»

«Ни одна не доживала неделю...»

«Он приносит их в жертву древним богам, чтобы получить власть. Неужели такое правда возможно?...»

Я слышала обрывки их разговоров, их шепот, их внутренние монологи. Веспер был много раз обручён, но ни одна из его невест не доживала и месяца до свадьбы. Когда слухи долетели

до общности, он стал заводить себе конкубин из бедных сословий. Никто их не искал потом, их смерти умалчивались. Их имена канули в Лету. Веспер использовал их, их молодость, их жизнь, чтобы подпитывать свои тёмные ритуалы. Теперь я стану следующей его жертвой. Но стану ли?...

Меня заперли в роскошных покоях. Золото, шёлк, фрески — всё это казалось насмешкой. Я бросилась к балкону, надеясь на чудо, на спасение. Но высота... Головокружительная пропасть отделяла меня от желанной свободы.

Слёзы текли по моим щекам, смешиваясь с пылью Рима. Я смотрела на бескрайнее ночное небо, усыпанное мириадами звёзд, и молилась всем богам, известным и забытым. И тогда, вдали, высоко над городом, я увидела нечто.

Движущееся огромное пятно, серебристое, мерцающее. Оно было слишком большим для птицы, слишком быстрым для облака. Оно двигалось бесшумно, словно корабль, плывущий по небесному океану.

Моё сердце замерло. Что это? Неужели это знак? Надежда? Но так же внезапно, как появилось, оно исчезло, растворившись во тьме за черными облаками.

Я рухнула на пол, обессиленная, но в моей душе зародилась новая, жгучая решимость. Я не достанусь сенатору Весперу. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы не стать его жертвой. Мои хрупкие кости могут сломаться, но мой дух — никогда.

С этой мыслью, горькой и твёрдой, я погрузилась в тревожный сон.

Глава V. Хромой побег

На следующее утро меня ждала ужасающая весть. Сенатор решил, что не станет прятать меня от глаз и слуха народа. Прознав от моих бывших соседей о моей болезни костей, он понял, что моя скорая кончина не станет таким уж шоком для окружающих. Поэтому и прятать меня во дворце нужда сразу исчезла.

Объявление о нашей помолвке прогремело по всему Риму, как раскат грома. Луций Веспер, стоя на возвышении Форума, с каменным лицом произнёс моё имя, и толпа взорвалась ликующими криками. Для них это был очередной триумф сенатора, для меня — приговор.

Я стояла рядом с ним, хрупкая, как статуэтка из слоновой кости, и ощущала, как каждая клеточка моего тела кричит от ужаса. Мои видения сгустились, предвещая не брак, а скорое жертвоприношение на полную луну.

Дни, предшествующие «свадьбе», были сущим адом. Луций не отпускал меня ни на шаг, его присутствие было удушающим. Он заставлял меня прислуживать ему, его прикосновения были грубыми, его слова — унижительными. Я чувствовала себя пленницей, игрушкой в его руках. Каждую ночь он приходил в мои покои, его глаза горели обещанием, что «эта ночь станет нашей». Я отбивалась, используя всё своё хрупкое тело и острый ум, чтобы избежать его притязаний на мое тело. Мои мысли были полны отвращения, его — грязной похоти и нетерпения.

В ночь перед «свадьбой» город гудел от предпраздничной суеты. Факелы освещали улицы, музыка лилась из каждого дома, смешиваясь с криками торговцев и смехом пьяных граждан. Я стояла на балконе своей спальни, вглядываясь в бездонное небо, и вдруг опять увидела его.

Огромный, бесшумный дирижабль. Он был сделан из тёмного, неизвестного мне дерева и мерцающего металла, его крылья напоминали перья гигантской птицы, а по бокам светились руны, которых я никогда прежде не видела. Он плыл над городом, словно тень, отбрасывая на лунный свет призрачные блики.

Моё сердце замерло в груди. Это был он! Тот самый летающий корабль, о котором мама читала мне в детстве из древних, пыльных свитков о мифах наших народов. Легендарный корабль, появляющийся в ночном небе раз в сотню лет. И лишь в преддверии великих катастроф, когда боги отворачиваются от грешных смертных.

«Значит, тогда мне не показалось... Это не было сном, не было миражом. Это было знамение!», — подумала я.

Луций, словно почувствовав моё внимание, появился рядом. Его властная рука легла на мою талию, его дыхание опалило шею.

— Моя будущая жена, — прошептал он мне в волосы, — сегодня ты наконец-то станешь моей.

Сенатор опустился на одно колено. Я отвернулась, не желая смотреть на него. Я ощутила, как его пальцы сжимают мою лодыжку, приковывая её к его трибуне. Не к трибуне оратора, а к его личной, переносной трибуне, с которой он собирался произносить свою речь. Металл оков холодил мою ногу, и этот холод пронзал все тело. Сенатор не отпускал меня ни на шаг, даже во время праздника, будто предчувствовал, что больше всего на свете я желаю сбежать от него.

Наступило время речей. Луций, с торжествующим видом, поднялся на возвышение Форума. Его голос, усиленный акустикой площади, разнёсся над толпой. Заиграла громкая музыка, вспыхнули огни, озаряя ночное небо. Толпа ликовала, а я, прикованная к его трибуне, чувствовала, как отчаяние захлёстывает меня.

— Я не достанусь ему... — прошептала я, дёргая ногой. — Ни за что.

Металл оков впивался в тонкую кожу, но я продолжала. Слёзы текли по моим щекам, смешиваясь с потом. Мои хрупкие кости... Моя аномалия...

Я вдруг вспомнила слова лекаря:

«Твои кости... они как тончайшее стекло. Малейшее давление — и они могут треснуть».

И сейчас это было моим единственным шансом. Сенатор был отвлечен своей речью, толпа смотрела лишь на него.

Уединившись в тени трибуны, я приступила к своему безумству.

Я плакала, страдала, но продолжала давить на свою лодыжку, изгибать её, выворачивать свою ногу под неестественным углом. Боль была невыносимой, но воля к спасению была сильнее.

Внезапно, с резким шелчком, моя ступня выскользнула из оков. Я упала, едва не закричав. Ступня... она была сломана. Кость выпирала под кожей, но я была свободна. Свободна!

Я еле поднялась, хромя, ковыляя, не зная, куда и бежать-то теперь.

Вперед. Вперед. И только туда!

Город был лабиринтом из света и теней, но мои ноги сами несли меня прочь от дворца, от Форума, прочь от кровожадного сенатора Веспера. Я бежала, ведомая лишь инстинктом выживания, пока не оказалась в туманном порту.

Густой, влажный туман окутывал причалы, скрывая очертания кораблей. Воздух был пропитан запахом соли, рыбы и чего-то ещё, неуловимого, но манящего. Возможно, так пахла свобода.

Моё сердце колотилось, предчувствуя надвигающуюся гибель Рима все более явственно. Этот город был проклят, и я должна была бежать из него как можно быстрее.

Мой взгляд упал на отдаленный темный корабль.

«Неужели? Он...», — пронеслось у меня в голове.

Это был тот самый дирижабль, что я видела в небе. Теперь он стоял на причале, его огромные крылья были сложены, руны тускло светились в тумане. Он был ещё величественнее вблизи, чем издалека.

Движимая отчаянием и последней надеждой, я прокралась на борт, прячась среди груд редких артефактов, которые экипаж, вероятно, скупил у здешних торговцев: странные статуэтки, резные ларцы, свитки, написанные на неизвестных языках.

Я слышала отдаленные голоса и шаги. Спряталась я плохо. Бочки не служили мне хорошим прикрытием.

— Отшвартовать корабль! — прозвучал чей-то властный голос неподалеку.

С замиранием сердца я поняла, что у меня совсем нет времени. Я должна была спрятаться лучше, глубже.

Я проникла в небольшую кубрику, и отыскала из неё выход в основную часть корабля.

Кругом было темно. Я двигалась на ощупь по тёмному коридору, моя сломанная ступня пульсировала от боли, но я не обращала на это внимания. Самое главное сейчас — спрятаться. Отсижусь на корабле и сойду на землю при первой же остановке корабля. Хороший план. Другого и не было.

Я забежала в какую-то тёмную комнату, полную теней и запаха старого дерева. Попыталась найти окно, чтобы выглянуть, понять, отчалил ли уже корабль или нет.

И тут вдруг я ощутила, как что-то или кто-то приближается ко мне сзади. Я не успела развернуться, как меня прижали к стене. Я попыталась вырваться, но моё тело будто каменной плитой придавило. Мои руки стали ощупывать стену и то, что так давило на мою спину, удерживая на месте мертвой хваткой.

И это... Это было голое мужское тело.

Мои пальцы задели гладкую, горячую кожу. Чей-то бок, ребра... Я отдернула руку в испуге.

Само тело было прекрасной формы, — сильное, горячее.

Неожиданно что-то коснулось моей щеки. По ощущениям... Это были чьи-то губы. Прикосновение было неожиданным, шокирующим.

— И что ты тут забыла, прекрасная фемина?

Глава VI. Первая встреча

Голое мужское тело. Незнакомец прижимал меня к холодной стене в полной темноте каюты, его кожа была горячей, словно уголь, а дыхание обжигало мою шею. Мой разум, привыкший к хаосу чужих мыслей, внезапно оказался в пустой, звенящей тишине. Его разум был для меня запечатан. Как такое вообще было возможно?... Я пока не понимала.

Голое мужское тело. Незнакомец прижимал меня к холодной стене в полной темноте каюты, его кожа была горячей, словно уголь, а дыхание обжигало мою шею. Мой разум, привыкший к хаосу чужих мыслей, внезапно оказался в пустой, звенящей тишине. Его разум был для меня запечатан. Как такое вообще было возможно?... Я пока не понимала.

— И что ты тут забыла, прекрасная фемина? — его голос был низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой, словно шёпот ночного ветра. В нём не было ни угрозы, ни ласки, лишь чистое, незамутнённое любопытство.

Я попыталась отстраниться, но хватка незнакомца была железной.

— Я... заблудилась, — пролепетала я, чувствуя, как жар приливает к моим щекам. — Хотела спрятаться на корабле, но заблудилась.

Незнакомец усмехнулся, и я ощутила вибрацию его груди своей спиной.

— Заблудилась, говоришь? — его пальцы скользнули по моей руке, задерживаясь на тонкой ткани моего платья на плече. — Или, быть может, ты ищешь приключений? Я могу предложить тебе их, и даже больше. Проведёшь эту ночь со мной, фемина, и я обещаю, что ты не пожалеешь. Откажешься... и я выброшу тебя за борт. Что скажешь?

Я вздрогнула, но тут же собралась. Моя гордость, искорёженная страхом, но не сломленная, не позволила мне дрогнуть.

— Я умею плавать, — дерзко ответила я, хотя знала, что это ложь. Моя сломанная ступня не позволила бы мне продержаться и минуты в ледяной воде. И с чего я вообще решила, что корабль сейчас на воде, а не в воздухе?... Наверное, я до сих пор не могла поверить, что нахожусь на том самом летающем корабле из легенд. Или я просто сплю. Мне это снится?

Смех незнакомца был глубоким, раскатистым, он наполнил тёмную комнату, словно звук далёкого грома.

— Плавать? О, дитя, ты меня удивляешь, — его пальцы продолжали блуждать по моей коже: плечам и талии, вызывая мурашки. — А я-то уже опечалиться успел, что не получилось посетить лупанарий в Риме. А тут такой роскошный подарок сам упал мне в руки. Вот чудовищное.

Я почувствовала, как его тело прижимается ко мне всё плотнее, и в отчаянии потянулась рукой, нащупывая что-то твёрдое на стене. Металл. Лампа. Мои пальцы дрожали от нервов, когда я чиркнула кремнем.

Маленькое пламя вспыхнуло, озаряя пространство. В тот же миг, когда свет прорезал тьму, я оттолкнулась от незнакомца, сделав шаг назад.

Передо мной стоял юноша. Молодой, лет двадцати, с копной чёрных как смоль волос и глазами, что были бездонными омутами, поглощающими свет. На его губах, пухлых и чувственных, виднелись свежие капли крови, яркие, как рубины. Он ухмыльнулся, когда мой взгляд скользнул ниже, по его безупречно сложенному телу. Он был совершенно гол. Каждый мускул был вылеплен с совершенством, достойным древних статуй богов, но в его облике было нечто первобытное, дикое.

Мой взгляд снова метнулся к его окровавленным губам. Незнакомец заметил это, ухмыльнувшись.

— Красное вино. Мой любимый напиток. — тихо произнес он, слизывая алые капли с нижней губы. — А ты что любишь, фемина?

Он сделал шаг ко мне, и я отшатнулась.

— Стой! — мой голос дрогнул, но я старалась придать ему твёрдости. — Не трогай меня больше.

Его рука, сильная и быстрая, поддела мой подбородок, заставляя поднять глаза на него. Его чёрные омуты под густыми ресницами смотрели прямо в мои, и я почувствовала, как моя воля тает под этим взглядом.

— Уже поздно, фемина, — его голос был теперь шёпотом, но таким, что проникал прямо в голову, застревая там на повторе. — Единственное, о чём ты можешь меня просить теперь, это не останавливаться.

Его пальцы скользнули к застёжке моего платья. Тонкий шёлк соскользнул с моих плеч, обнажая кожу, которая тут же покрылась мурашками от его прикосновений. Я стояла, словно зачарованная, под гипнозом его чёрных глаз, не в силах сопротивляться.

Его горячие губы коснулись моей шеи, оставляя за собой дорожку из огня, а руки ласкали мою оголенную спину, стройные бёдра и грудь. Моё тело, измученное болью и страхом, отзывалось на его ласки с неожиданной жадой. Я чувствовала, как его дыхание опалает чувствительную кожу между грудей, как его сильные пальцы исследуют каждый изгиб моего тела, и я позволяла ему. Позволяла, потому что его прикосновения были искусными, а его взгляд обещал забвение.

Но в самый разгар этого безумия, когда его губы уже почти настигли мои, а его тело прижалось к моему вплотную, я осознала одну поразительную вещь снова.

Тишина. Звонящая, пугающая тишина в его разуме. Ни единой мысли, ни единого образа. Моя аномалия, мой дар, который был для меня проклятием и спасением, здесь был бесполезен.

Я отстранилась, насколько позволяла его хватка.

— Я... я не слышу тебя, — прошептала я, мои глаза расширились от ужаса и недоумения. — Твои мысли... я не слышу их! Почему?

Его лицо мгновенно изменилось. Вожделенная улыбка исчезла, чёрные глаза стали холодными и пронзительными. Незнакомец резко отстранился от меня, его прикосновения стали грубыми.

— Что ты сказала? — его тон был теперь острым, подозрительным. Он схватил меня за руку и сжал её. — Кому ты служишь, чертовка? Кто послал тебя за нами следить??

Я попыталась вырваться, но его хватка была нечеловеческой.

— Я никому не служу! Отпусти меня!

— Нет уж. Теперь ты мне все расскажешь. Имя. Назови мне имя своего хозяина.

— У меня нет хозяина!

— Врешь, как дышишь, фемина. Кто он?!

Он резко дернул меня на себя, я попыталась вырваться ещё раз, но вдруг почувствовала хруст в руке.

Моё запястье. Оно сломалось.

Резкая, ноющая боль пронзила руку, и я рухнула на пол, обхватив сломанную руку. Слёзы хлынули из глаз градом, смешиваясь с пылью. Я плакала, стонала, а он стоял надо мной, совершенно ничего не понимая. Лицо незнакомца было лишено всякого выражения, лишь лёгкое недоумение мелькнуло в его чёрных глазах. Он накинул на себя шелковый халат, который лежал на каком-то сундуке, и продолжил смотреть, как я корчусь на полу.

В этот момент дверь распахнулась. В каюту ворвались другие обитатели корабля, привлечённые моими криками.

Я подняла голову, сквозь пелену слёз и боли пытаюсь разглядеть их.

Первым вошёл высокий мужчина с пепельно-белыми волосами, обрамляющими лицо с тонкими, аристократическими чертами. Его глаза были цвета расплавленного темного золота,

а во взгляде читалась усталость. Он был в простой, но элегантной рубашке и кожаных брюках, и от него исходила аура спокойной, но неоспоримой власти.

За ним последовали ещё двое. Один был самый высокий, с бронзовой кожей, покрытой татуировками в виде золотых рун, и глазами цвета грозового неба. Его коротко стриженные волосы были черного оттенка, но некоторые пряди были почему-то седыми, а на поясе висел массивный позолоченный серп. Он выглядел как древний воин, полный дикой силы.

За его спиной стоял мужчина, облаченный в плащ и маску.

Голое мужское тело. Незнакомец прижимал меня к холодной стене в полной темноте каюты, его кожа была горячей, словно уголь, а дыхание обжигало мою шею. Мой разум, привыкший к хаосу чужих мыслей, внезапно оказался в пустой, звенящей тишине. Его разум был для меня запечатан. Как такое вообще было возможно?... Я пока не понимала.

— И что ты тут забыла, прекрасная фемина? — его голос был низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой, словно шёпот ночного ветра. В нём не было ни угрозы, ни ласки, лишь чистое, незамутнённое любопытство.

Я попыталась отстраниться, но хватка незнакомца была железной.

— Я... заблудилась, — пролепетала я, чувствуя, как жар приливает к моим щекам. — Хотела спрятаться на корабле, но заблудилась.

Незнакомец усмехнулся, и я ощутила вибрацию его груди своей спиной.

— Заблудилась, говоришь? — его пальцы скользнули по моей руке, задерживаясь на тонкой ткани моего платья на плече. — Или, быть может, ты ищешь приключений? Я могу предложить тебе их, и даже больше. Проведёшь эту ночь со мной, фемина, и я обещаю, что ты не пожалеешь. Откажешься... и я выброшу тебя за борт. Что скажешь?

Я вздрогнула, но тут же собралась. Моя гордость, искорёженная страхом, но не сломленная, не позволила мне дрогнуть.

— Я умею плавать, — дерзко ответила я, хотя знала, что это ложь. Моя сломанная ступня не позволила бы мне продержаться и минуты в ледяной воде. И с чего я вообще решила, что корабль сейчас на воде, а не в воздухе?... Наверное, я до сих пор не могла поверить, что нахожусь на том самом летающем корабле из легенд. Или я просто сплю. Мне это снится?

Смех незнакомца был глубоким, раскатистым, он наполнил тёмную комнату, словно звук далёкого грома.

— Плавать? О, дитя, ты меня удивляешь, — его пальцы продолжали блуждать по моей коже: плечам и талии, вызывая мурашки. — А я-то уже опечалиться успел, что не получилось посетить лупанарий в Риме. А тут такой роскошный подарок сам упал мне в руки. Вот чудовищное.

Я почувствовала, как его тело прижимается ко мне всё плотнее, и в отчаянии потянулась рукой, нащупывая что-то твёрдое на стене. Металл. Лампа. Мои пальцы дрожали от нервов, когда я чиркнула кремнем.

Маленькое пламя вспыхнуло, озаряя пространство. В тот же миг, когда свет прорезал тьму, я оттолкнулась от незнакомца, сделав шаг назад.

Передо мной стоял юноша. Молодой, лет двадцати, с копной чёрных как смоль волос и глазами, что были бездонными омутами, поглощающими свет. На его губах, пухлых и чувственных, виднелись свежие капли крови, яркие, как рубины. Он ухмыльнулся, когда мой взгляд скользнул ниже, по его безупречно сложенному телу. Он был совершенно гол. Каждый мускул был вылеплен с совершенством, достойным древних статуй богов, но в его облике было нечто первобытное, дикое.

Мой взгляд снова метнулся к его окровавленным губам. Незнакомец заметил это, ухмыльнувшись.

— Красное вино. Мой любимый напиток. — тихо произнес он, слизывая алые капли с нижней губы. — А ты что любишь, фемина?

Он сделал шаг ко мне, и я отшатнулась.

— Стой! — мой голос дрогнул, но я старалась придать ему твёрдости. — Не трогай меня больше.

Его рука, сильная и быстрая, поддела мой подбородок, заставляя поднять глаза на него. Его чёрные омуты под густыми ресницами смотрели прямо в мои, и я почувствовала, как моя воля тает под этим взглядом.

— Уже поздно, фемина, — его голос был теперь шёпотом, но таким, что проникал прямо в голову, застревая там на повторе. — Единственное, о чём ты можешь меня просить теперь, это не останавливаться.

Его пальцы скользнули к застёжке моего платья. Тонкий шёлк соскользнул с моих плеч, обнажая кожу, которая тут же покрылась мурашками от его прикосновений. Я стояла, словно зачарованная, под гипнозом его чёрных глаз, не в силах сопротивляться.

Его горячие губы коснулись моей шеи, оставляя за собой дорожку из огня, а руки ласкали мою оголенную спину, стройные бёдра и грудь. Моё тело, измученное болью и страхом, отзывалось на его ласки с неожиданной жадой. Я чувствовала, как его дыхание опалает чувствительную кожу между грудей, как его сильные пальцы исследуют каждый изгиб моего тела, и я позволяла ему. Позволяла, потому что его прикосновения были искусными, а его взгляд обещал забвение.

Но в самый разгар этого безумия, когда его губы уже почти достигли моих, а его тело прижалось к моему вплотную, я осознала одну поразительную вещь снова.

Тишина. Звонящая, пугающая тишина в его разуме. Ни единой мысли, ни единого образа. Моя аномалия, мой дар, который был для меня проклятием и спасением, здесь был бесполезен.

Я отстранилась, насколько позволяла его хватка.

— Я... я не слышу тебя, — прошептала я, мои глаза расширились от ужаса и недоумения. — Твои мысли... я не слышу их! Почему?

Его лицо мгновенно изменилось. Вожделенная улыбка исчезла, чёрные глаза стали холодными и пронзительными. Незнакомец резко отстранился от меня, его прикосновения стали грубыми.

— Что ты сказала? — его тон был теперь острым, подозрительным. Он схватил меня за руку и сжал её. — Кому ты служишь, чертовка? Кто послал тебя за нами следить??

Я попыталась вырваться, но его хватка была нечеловеческой.

— Я никому не служу! Отпусти меня!

— Нет уж. Теперь ты мне все расскажешь. Имя. Назови мне имя своего хозяина.

— У меня нет хозяина!

— Врешь, как дышишь, фемина. Кто он?!

Он резко дернул меня на себя, я попыталась вырваться ещё раз, но вдруг почувствовала хруст в руке.

Моё запястье. Оно сломалось.

Резкая, ноющая боль пронзила руку, и я рухнула на пол, обхватив сломанную руку. Слёзы хлынули из глаз градом, смешиваясь с пылью. Я плакала, стонала, а он стоял надо мной, совершенно ничего не понимая. Лицо незнакомца было лишено всякого выражения, лишь лёгкое недоумение мелькнуло в его чёрных глазах. Он накинул на себя шелковый халат, который лежал на каком-то сундуке, и продолжил смотреть, как я корчусь на полу.

В этот момент дверь распахнулась. В каюту ворвались другие обитатели корабля, привлечённые моими криками.

Я подняла голову, сквозь пелену слёз и боли пытаюсь разглядеть их.

Первым вошёл высокий мужчина с пепельно-белыми волосами, обрамляющими лицо с тонкими, аристократическими чертами. Его глаза были цвета расплавленного темного золота,

а во взгляде читалась усталость. Он был в простой, но элегантной рубашке и кожаных брюках, и от него исходила аура спокойной, но неоспоримой власти.

За ним последовали ещё двое. Один был самый высокий, с бронзовой кожей, покрытой татуировками в виде золотых рун, и глазами цвета грозового неба. Его коротко стриженные волосы были черного оттенка, но некоторые пряди были почему-то седыми, а на поясе висел массивный позолоченный серп. Он выглядел как древний воин, полный дикой силы.

За его спиной стоял мужчина, облаченный в плащ и маску.

Глава VII. Экипаж

И последний, в маске, был самым странным. Он был закутан в мантию с капюшоном, скрывающим большую часть его лица, но я видела проблеск чешуйчатой кожи на шее и его глаза, которые светились жёлтым, как у змеи. От него веяло холодом и опасностью.

Я лежала на полу, сломанная и испуганная, глядя на этих невероятных незнакомцев.

Неужели это Бессмертные Хранители Цикла?...

Я слышала о них в самых тёмных сказках, которые мать читала мне, чтобы напугать. Они были мифами, легендами, но они были здесь, передо мной.

— Я повторю свой вопрос ещё раз. Что здесь происходит, Малак? — голос светловолового стал более спокойным, но в нём все равно звенела сталь.

Черноглазый, Малак, пожал плечами, его взгляд скользнул по мне.

— Я подумал, что она шпионка Пантеона. Что они прислали её за нами следить.

Юноша с золотыми глазами и серпом ухмыльнулся, и чуть склонив голову набок, спросил:

— И почему ты так решил?

— Она проговорила, что мысли читает, — Малак указал на меня подбородком. — А такое только их одарённые шпионы могут.

Моё сердце сжалось от страха. Они теперь знали о моём даре. Я проговорила под влиянием страха. И теперь я была в их власти. Моя сломанная рука пульсировала, и я чувствовала, как меня охватывает ужас.

Светловолосый подошёл ближе, его взгляд остановился на моей руке.

— Она ранена, Малак. Что ты с ней сделал?

Он повернулся к златоглазому с серпом.

— Сол, найди ей каюту. И вправь кость.

Затем его взгляд обвёл остальных.

— А вы, — его голос стал твёрже, — разойдитесь. И не смейте беспокоить нашу гостью. Вечером за ужином соберёмся и все обсудим, и ты, Малак, объяснишься и извинишься.

Сол протянул мне руку. Его прикосновение было теплым, почти ласковым, и от него исходил лёгкий аромат ванили. Я поднялась, опираясь на него, моё тело дрожало от боли и потрясения.

Я ушла с ним, оставляя позади тёмную комнату, и взгляд чёрных глаз Малака, который всё ещё смотрел на меня с неразгаданным выражением.

Сол повёл меня по извилистым темным коридорам, которые, казалось, тянулись бесконечно. Каждый шаг отдавался острой болью в моей сломанной ступне и пульсирующей агонией в запястье. Юноша шел впереди, указывая мне путь, поэтому не сразу заметил, что я еле поспеваю за ним, хромя.

— Что с твоей ногой?

Его прикосновение к моей руке было лёгким, будто он боялся разрушить меня одним неосторожным движением. В его необычных глазах я увидела сострадание, и это было так непривычно после дикой похоти Малака и ледяного безразличия остальных.

— Я подвернула ступню, пока бежала.

— Куда так срочно понадобилось бежать?

— К спасению.

Сол кивнул, скользнув по мне задумчивым взглядом.

— Надеюсь, ты расскажешь нам свою историю за ужином. Нам всем будет интересно её услышать.

Мы остановились перед тяжёлой дверью из тёмного дерева, украшенной резьбой. Сол отворил её, и я шагнула внутрь.

Каюта была небольшой, но уютной, залитой мягким светом от атмосферных светильников, что мерцали на стенах. Воздух был пропитан ароматом ладана. Это успокаивало. На полу лежал толстый багровый ковёр, поглощающий шаги, а в углу стояла большая кровать, застеленная шёлком цвета морской волны.

— Присядь, пожалуйста, — голос Сола был приятным, и я подчинилась, опустившись на край кровати.

Он опустился на колени передо мной, его седые пряди выделялись на фоне темных, играя со светом. Мужские пальцы, тонкие и ловкие, осторожно коснулись моей ступни. Я вздрогнула, но он лишь мягко улыбнулся.

— Не бойся, я не причиню тебе боль.

— Как я могу не бояться этого, если ты на это способен?

Его улыбка померкла, плечи напряглись.

— Не способен. Кто угодно, но не я.

Его прикосновения были удивительно лёгкими. Он что-то прошептал на языке, который я никогда не слышала, и вокруг моей лодыжки вспыхнул золотой свет. Я почувствовала, как кости встают на место, как боль отступает, сменяясь лишь тупым нытьём. Это было невероятно. Он был не просто целителем, он был... чем-то, кем-то большим.

— Ты... ты колдун? — прошептала я, поражённая.

Сол лишь загадочно улыбнулся, поднимаясь.

— Я лишь немного знаю о том, как устроен этот мир.

Он подошёл к массивному шкафу из тёмного, резного дерева.

— Здесь ты найдёшь чистую одежду. Капитан Каэлен велел позаботиться о тебе.

Глава VIII. Ужин на четверых

Я подошла к шкафу, открывая его. Внутри висели платья из тончайшего шёлка, бархата и льна, расшитые золотом и серебром, в самых разных фасонах. Мои глаза загорелись. После грубых, потрёпанных одежд, в которых я бежала из Рима, это было настоящим сокровищем.

— Откуда они? — спросила я, уже протягивая руку к одному из платьев.

Сол слегка смутился, его щеки покрылись лёгким румянцем.

— Малак... он часто приводит гостей на корабль, когда мы останавливаемся в городах. Он любит... разнообразие в общении.

Я понимающе кивнула. "Гости", конечно. Я уже понимала, что за "гости" могли быть у Малака. Но это не имело значения. Эти платья были прекрасны.

Не раздумывая ни секунды, я сбросила с себя грязное, изодранное платье. Оно упало к моим ногам, обнажая моё тело, покрытое синяками и ссадинами. Я повернулась к шкафу, выбирая платье, и только тогда заметила Сола в отражении стеклянного кувшина на столике. Он стоял, отвернувшись, его плечи были напряжены, а уши слегка покраснели.

— О, прости! — я поспешно прикрылась руками, хотя в глубине души мне было немного забавно. Моя прошлая жизнь, работа в лупанарии, где тело было лишь инструментом для зарабатывания на жизнь, научила меня не стесняться своей наготы. Но здесь... здесь было иначе. — Я забыла о приличии. Моя прошлая работа... она сделала меня слишком раскрепощённой. Иногда я забываю, что прилично, а что нет.

Сол медленно повернулся, его взгляд скользнул по мне, но он тут же отвел его в сторону.

— Ничего страшного. Я... оставляю тебя. Тебе нужно отдохнуть. Если что-то понадобится, просто позови.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Я услышала щелчок замка.

Он запер меня?

Я попробовала дёрнуть ручку, но дверь была заперта на ключ.

Вздыхнув, я решила не паниковать. В конце концов, здесь было гораздо лучше, чем в руках Веспера.

Я оглядела каюту. На столике стояла шкатулка с косметикой, флаконы с благовониями, несколько браслетов и ожерелий. Я взяла одно из платьев — из тёмно-синего шёлка, струящееся, с глубоким вырезом. Оно идеально село по фигуре, подчёркивая каждый изгиб.

«А у Малака не дурной вкус на женские формы», — с ухмылкой подумала я.

Я подошла к круглому иллюминатору. За ним царил густой, непроглядный темный туман. Не было видно ни звёзд, ни луны, ни даже намёка на горизонт. Словно мы плыли в черной пустоте, вне времени и пространства. Это было одновременно пугающе и завораживающе. Я чувствовала, как корабль движется, но куда — оставалось загадкой.

В конце концов, усталость взяла своё. Я легла на мягкую кровать, и почти мгновенно погрузилась в глубокий сон, свободный от кошмаров.

Меня разбудил стук в дверь. Я открыла глаза, не сразу сообразив, где нахожусь.

— Ужин готов, — послышался голос Сола.

Я поспешно поднялась, поправила платье и открыла дверь. Сол ждал меня, его лицо было спокойным, но в глазах мелькало лёгкое беспокойство.

— Удалось отдохнуть?

— Вполне.

— Я рад. — вымолвил юноша, замороженно скользя глазами по моему наряду. — ...Кхм. Прошу за мной.

Путь был достаточно долгий. Я сбилась со счёта поворотов по коридору. Сколько же кают в этом корабле?...

Наконец мы прошли в просторную кают-компанию. Большой стол был накрыт на пятерых, но за ним сидели только двое. Малак и незнакомец в мантии и маске. Капитан Каэлен отсутствовал...

На столе стояли блюда, пахнущие так аппетитно, что мой желудок тут же свело от голода. Жареное мясо, свежие фрукты, хлеб, вино в глиняных кувшинах.

— Садись, пожалуйста, — пригласил Сол, указывая на место напротив Малака.

Я села, стараясь не смотреть на черноглазого нахала. Он же, напротив, не сводил с меня глаз, его чёрные омуты изучали меня с неприкрытой похотью.

— Где капитан Каэлен? — спросила я, пытаюсь отвлечься от его взгляда.

Малак ухмыльнулся, откусывая кусок мяса.

— Наш капитан — птица вольная. Ему не до земных ужинов. Возможно, сейчас он парит над облаками, высматривая что-то интересное. Или кого-то... интересного.

Он подмигнул мне, и я почувствовала, как по моей спине пробежал холодок. Сол, сидящий рядом с Малаком, лишь хмыкнул, его взгляд был сосредоточен на еде.

Мне представили того, кто сидел в маске. Его звали Аспид. Он был молчалив весь ужин и лишь изредка пошевеливался, словно змея, готовящаяся к броску.

Я ела, стараясь не обращать внимания на Малака, но его грязные намёки и шутки не прекращались. Он то и дело бросал в мою сторону двусмысленные фразы, его взгляд скользил по моей фигуре, задерживаясь на вырезе платья. Сол пытался переводить разговор на другие темы, но Малак был неудержим.

Несмотря на это, я постепенно начала расслабляться. В их компании, странной и опасной, было что-то притягательное. Я чувствовала себя в безопасности, по крайней мере, от внешнего мира.

— Вы бессмертные, да? — спросила я, осмелев. — Легенды говорят о вас много. Что из этого правда?

Малак открыл было рот, чтобы ответить, но Сол прервал его.

— Капитан Каэлен запретил нам рассказывать людям что-либо. Прости, Атилия, но мы пока не можем доверить тебе эту информацию. Мы ещё не до конца уверены, что ты не работаешь на наших врагов.

Я почувствовала укол обиды.

— Я не работаю ни на кого! Я просто бежала. Бежала от брака, который был для меня смертным приговором. От человека, который хотел меня сломать. Я увидела ваш корабль в небе за несколько дней до моей свадьбы, и он стал моей единственной надеждой на спасение.

Я рассказала им свою историю: о Веспере, о моих видениях, о сломанной ступне и о том, как я пробралась на борт. Мои слова лились, полные отчаяния и боли, и я видела, как меняются их лица. Даже Малак, на удивление, замолчал, его взгляд стал задумчивым. Сол перестал есть, его глаза цвета солнца смотрели на меня с неожиданным интересом. Аспид, казалось, даже немного выпрямился.

Когда я закончила, в комнате повисла тишина. Сол подался вперед, словно собираясь что-то спросить, но в этот момент корабль резко качнулся.

Послышался глухой удар, и где-то вдалеке зазвенел колокол, его звук был тревожным и пронзительным.

— Чёрт! Снова! — прошипел Малак, раздражённо отбрасывая вилку. — Как же это всё достало!

Глава IX. Багровый огонь Сола

Аспид, до этого застывший, словно мраморная статуя в храме Юпитера, вдруг начал медленно, почти церемонно разминать свою шею. Этот жест был так чужд его обычной неподвижности в маске и мантии, что по моей спине пробежал холодок, хуже, чем от зимнего ветра с Альп. Он стянул свои перчатки из тончайшей черной кожи, и я увидела не просто ногти, а обсидиановые когти, острые, как кинжал ассасина.

Но самым ужасным было другое: кожа под его перчатками не была обычной. Она отливала перламутровой, влажной чешуей, словно он был не человеком, а древним змеем из самых глубоких подземелий.

Сол неожиданно вскочил с такой скоростью, что воздух вокруг него затрещал. Его глаза, мгновение назад цвета темного янтаря, вспыхнули чистым, расплавленным золотом — свечением, достойным самого Аполлона. Но в этот раз их свет погас так же быстро, как загорелся, стоило ему перевести взгляд на меня.

— Я отведу тебя обратно в твою каюту, Атилия, — его голос был низким, лишенным всякой юношеской мягкости. — И буду охранять тебя до рассвета. Снаружи этой ночью будет опасно.

Малак, который до этого напоминал мне переросшего сатира, усмехнулся.

— Ох, я бы с радостью взял это задание на себя! Защищать такую драгоценную вазу, как наша Атилия, — это честь.

Аспид издал звук, похожий на шорох змеиной кожи, скользящей по сухому песку.

— Ты и пяти минут не справился с охраной такой хрупкой вазы, Малак. Разбил её сразу же. Забыл уже?

В этот момент корабль качнулся. Но не так, как от обычной волны. Это было похоже на то, как если бы огромный морской левиафан, спящий в бездне, внезапно повернулся на другой бок, задев наше судно хвостом.

Я потеряла равновесие, и мои тонкие сандалии скользнули по полированному дереву.

Сол среагировал быстрее всех. Он схватил меня за талию, притягивая к себе. Его рука была сильной, как стальной обруч, а тело — невероятно твердым. Чересчур для юноши, который, по моим расчетам, едва ли достиг возраста, когда римляне надевают *toga virilis** («мужская тога», которую юноши в Древнем Риме надевали после достижения совершеннолетия). От Сола пахло дымом, озоном и чем-то сладким и густым... Ладаном.

Он повел меня по коридорам, его шаг был уверенным, не подвластным безумной качке судна. Он открыл дверь моей комнаты, пропустил меня внутрь, и вошел сам. Дверь захлопнулась за ним с глухим, окончательным стуком, и я услышала щелчок замка.

Он не оборачивался. Стоял спиной ко мне, его широкие плечи были напряжены, словно он готовился принять удар от центуриона.

— Сол, все хорошо? — прошептала я, слыша, как штормовой ветер гудит за окном. Я видела его преображение, но мой разум отказывался верить в то, что я видела. Это был не юноша, что недавно вправлял мне кости. Это был кто-то другой...

Сол хмыкнул, разминая пальцы, словно готовясь к бою или... к чему-то иному.

— Теперь да. Все хорошо. — его голос был низким, глубоким, и в нём звучала странная, пугающая нотка, словно натянутая тетива. — Лучше ты скажи мне... Чем бы ты хотела заняться этой ночью, Атилия? Ведь ночь будет очень долгой.

Я почувствовала, как моё сердце забилося чаще, словно птица, пойманная в клетку.

Сол медленно повернулся ко мне лицом.

Его глаза... Они были уже не цвета расплавленного золота. Теперь они горели багровым огнём, словно два тлеющих угля, а на его губах играла улыбка, сквозь которую чуть торчали острые, белые клыки, слишком длинные для человеческого рта.

— ... Что с тобой, Сол? — прошептала я, отступая назад, пока не почувствовала холодную стену за спиной. Страх перед его перевоплощением сковывал меня.

Юноша сделал шаг ко мне, и я ощутила, как воздух в каюте стал густым и тяжёлым.

— Что со мной? — он растянул слова, будто наслаждаясь моим ужасом. — Ты, фемина, видишь лишь оболочку. Я — Сол, дитя Света, изгнанное из своего родного Пантеона за грех, который смертные зовут *Mors Amoris* — Смертью Любви.

Он приблизился, и я, не в силах оторвать взгляд от его багровых глаз, сделала шаг в сторону, обходя его по дуге.

Мы начали ходить по кругу каюты, словно два зверя перед схваткой.

— И в чем же был твой грех? — запинаясь спросила я, переступая по мягкому ковру.

— Мой грех, Атилия, был в том, что я слишком сильно полюбил все смертное. Не просто полюбил, а пристрастился к великим смертным удовольствиям людей. К той чувственности, к тому огню, что горит в ваших коротких жизнях. В моих землях, где время течёт вечно, это было запрещено. Это считалось осквернением, падением. За это меня лишили моего божественного начала, моей силы. — Сол остановился, его взгляд был полон горькой иронии. — Представь. Ты — бессмертная, чьё тело было сосудом для чистой, неиссякаемой энергии. И вдруг эта энергия вырвана из тебя, словно сердце из груди. Дыра в теле бессмертного сравнима с мощной воронкой. И когда из неё забирают все божественное, что может прийти на замену?

Я удивленно рассматривала его, ловя каждое слово. Неужели передо мной действительно сейчас бывшее божество?

Сол лукаво ухмыльнулся, и его клыки блеснули в полумраке. Он сделал ещё один шаг, сокращая расстояние между нами.

— Скажи мне, Атилия, дитя Рима, что приходит на замену пустоте, оставленной Богом?

Я почувствовала его жар, его хищную энергию. Мой разум, как ни странно, оставался пустым, его мысли были по-прежнему запечатаны, но инстинкт кричал об опасности.

— Я... не знаю, — прошептала я, пытаясь перевести дыхание. — Желание мести? Чувство опустошения?

— Близко, фемина, очень близко. — Он наклонил голову, его седые пряди, обрамляющие лицо, придавали ему вид павшего ангела. — Приходит то, что может заполнить эту воронку. То, что горит ярко и быстро. То, что убьёт любого смертного.

Он протянул руку, но я увернулась, прижимаясь к стене, рядом со шкафом.

— Ты хочешь мне показать? — мой голос был твёрд, несмотря на дрожь в коленях.

— Хочу. Но хочешь ли ты?

Я быстро схватилась за возможность уйти от этой опасной темы.

— А что сейчас происходит с кораблём? — спросила я, стараясь говорить громче, чтобы заглушить стук своего сердца. — Что в него врезалось? Почему все разбежались?

Сол раздражённо отмахнулся, словно от назойливой мухи.

— Пустяки. Обычная ночная охота. Мы летим слишком низко. Нас атакуют Гарпии Эфира — мерзкие твари, что питаются энергией полёта. Или, быть может, это Теневые Скорпионы — они любят цепляться за корпус, чтобы пробраться внутрь и полакомиться служанками.

Он говорил о них с такой беспечностью, словно речь шла о крысах в римских подвалах.

— Этериум и не такие качки переживал. Малак, хоть и любит отлынивать от патрулей, но в стачках он жаден до последней крови. А Капитан наш... — Сол усмехнулся, и в его глазах мелькнула гордость. — Он сочтёт за честь отрубить пару голов у врага.

Я застыла в ужасе. Гарпии? Скорпионы? Кровь?

— Но почему на корабль нападают?

Сол откинул свои темные пряди со лба, вдыхая полной грудью.

— Потому что мы — сокровище, Атилия. И мы — тюрьма. — Он снова сократил расстояние, и теперь я не могла отступить. — Все, кого ты успела встретить — узники этого корабля. И не просто так. Нас лишили наших божественных начал, но оставили достаточно, чтобы мы могли защищать Этериум — это судно. Наше искупление за грехи, которые мы совершили будучи бессмертными — это охрана этого корабля и его тайн. Мы отвечаем головой за него. Поэтому ни одна тварь, ни одна Гарпия, ни один Скорпион, не доберётся до его глубин. Поэтому... Пока мы живы, ты в безопасности от внешнего мира на этом борту. Но не от меня...

Сол резко атаковал. Резкое, молниеносное движение, и его тело прижало меня к стене. Его губы настигли мои, грубые, требовательные, а его руки впились в мои плечи. Я почувствовала, как его клыки слегка царапают мою нижнюю губу, требуя доступа.

В этот момент, когда я уже была готова утонуть в этом багровом огне, за дверью раздался грохот. Не просто удар, а звук борьбы, лязг металла, яростный крик, полный боли и ярости.

— Проклятие! — прорычал Сол, отрываясь от моих губ, его глаза всё ещё горели багровым огнём.

Борьба была прямо за дверью. Звуки были ужасающими. Но это был шанс.

Мой шанс решить, чего я хочу.

Бежать или оставаться?

Глава X. Под маской служанки

Крик оборвался, сменившись лязгом бронзы и глухим ударом. Сол, оторвавшись от меня, метнулся к двери, его багровые глаза горели нетерпением. Но прежде чем он успел дотянуться до засова, дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену.

В проёме стояла фемина. Черноволосая, с глазами, тёмными как ночь, и лицом, перепачканным сажей и кровью. Её простое платье из грубого льна, казавшееся мне до этого коричневым, теперь было пропитано свежей, тёмной кровью.

— Каэлен и Аспид всех на куски порезали там, — выдохнула она, делая шаг внутрь. — Скоро всё утихнет. Я пришла, чтобы забрать гостью, Сол. Знаю я твои паршивые нравы.

Сол повернулся к ней, его багровый огонь в глазах медленно угасал, сменяясь золотистым свечением. Он усмехнулся, но в этой усмешке не было злобы.

— Это ты? Как всегда вовремя. И как всегда портишь мне всё веселье.

Я, воспользовавшись моментом, выскользнула из-под его руки и кинулась к незнакомке, чувствуя облегчение.

— Вы... вы служанка? — спросила я, хватаясь за её окровавленную руку.

Девушка кивнула, её тёмные глаза внимательно осматривали меня.

— Да. Я пришла, чтобы увести тебя в безопасное место.

Я почувствовала, как её руки обнимают меня, крепкие, но нежные. Она провела пальцами по моему плечу, и я вздрогнула. В её прикосновении было что-то знакомое, что-то, что заставило меня нахмуриться.

— Мне кажется, я вас где-то видела, — пробормотала я, пытаюсь вспомнить. — Мы не встречались раньше?

Девушка улыбнулась, и её улыбка была слишком широкой, слишком сладкой.

— Нет, милая. Ты просто устала и напугана. У нас на корабле много черноволосых фемин бывает. Пойдём.

Она поспешно потянула меня за собой.

Сол разразился раскатистым хохотом позади нас.

— Беги, фемина! Беги! Но вернуться ты захочешь уже совсем скоро!

Служанка не обернулась. Она хлопнула дверью, и мы снова оказались в тёмном, извилистом коридоре.

— Куда мы идём? Что там происходит? С остальными всё в порядке? — вопросы сыпались из меня, как денарии из прохудившегося кошелька.

— Тише, тише, — успокаивала она меня, ведя по лестнице вниз. — Идём в мою каюту. Там безопаснее. А что с остальными... Каэлен и Аспид — лучшие воины на корабле. Они справятся.

Её ответы были поверхностными, но я была слишком измотана, чтобы настаивать. Мы спустились на этаж ниже. Здесь было тихо, полутемно. Служанка провела меня в каюту, которая была больше моей, но обставлена более аскетично. Но это была комната воина или торговца, а не скромной служанки.

— Садись, Атилия, — сказала она, усаживая меня на широкий диван, застеленный шкурами. Она закутала меня в толстое, мягкое шерстяное одеяло. — Тебе нужно согреться.

Пока я приходила в себя, служанка суетилась у небольшого очага, заваривая чай. Воздух наполнился ароматом чабреца, мяты и чего-то терпкого и успокаивающего.

— Ты не любишь Сола? — спросила я, наблюдая за ней.

Девушка фыркнула, её плечи напряглись.

— Этот дрянной сын солнца! Он думает, что ему всё дозволено. Его изгнали за его страсти, но он не изменился. Он — огонь, который сжигает всё, к чему прикасается. Поэтому, и ты к нему лучше не приближайся, дорогуша.

Её слова забавляли меня. Я почувствовала, как напряжение медленно отступает.

Она подала мне глиняную чашку с горячим чаем. Я сделала глоток. Настой был крепким, сладким и обжигающим.

Служанка села у огня, достав из-за пояса маленькую дудочку. Мелодия, которую она начала играть, была меланхоличной, словно плач по ушедшему гладиатору. Она была такой сонной, такой убаюкивающей, что мои веки стали тяжёлыми.

— Пей, Атилия, — прошептала девушка, не отрываясь от игры. — Тебе нужно успокоиться. Пей, дорогая.

Я допила чай, и сон навалился на меня с невероятной силой. Я попыталась встать, но мои ноги не слушались. Моё тело стало ватным, тяжёлым.

— Я... не могу встать, — пробормотала я, чувствуя панику.

Служанка отложила дудочку. Встала и подошла ко мне.

— Конечно, не можешь. Это сильный настой.

— Настой? Что там было?

Но она не ответила, а начала меня раздевать. Её пальцы расстегнули застёжки моего шёлкового платья, и оно соскользнуло на пол.

— Как тебя зовут? — спросила я, пытаясь сфокусировать взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.